

НУЖНЫ ЗНАНИЯ

(Окончание. Начало на 1-2-й стр.)

В. В. Тимофеев: Вы назвали цифру десять миллионов. А сколько из этих средств ушло в министерство?

В. А. Кувшинов: Как сколько? Все десять миллионов и остались у нас, это дополнительные средства, заработанные нашими трудящимися сверх нормативов.

В. В. Тимофеев: Второй вопрос. Произведя дополнительной продукции на десять миллионов, комбинат нанес какой-то ущерб экологии. Вы эти убытки считали? Обеспечено это производство очистными сооружениями?

В. А. Кувшинов: Вам же сказали: по выбросам в этом году мы не выросли.

В. В. Тимофеев: Не выросли? Если бы наши выбросы были в норме, а то ведь выбросы в десятки раз превышают допустимо предельные.

В. А. Кувшинов: Более того, при выполнении встречного плана у нас есть значительное снижение вредных выбросов.

В. В. Тимофеев: Я за то, чтобы металлургия получала больше денег. Но ведь никто не считал, какие они убытки понесли в связи с выбросами. Ведь комбинат на штрафах по ущербу воздуху потерял бы гораздо большую сумму.

В. А. Кувшинов: Мы отлично знаем о предстоящих штрафах. Вопрос о введении таких штрафов решается в целом по стране и относится ко всем промышленным предприятиям, имеющим вредные выбросы. К решению этих задач мы готовимся.

О. Т. Ефремов: Вы оперируете теми показателями, которые нигде в мире уже не используются.

В. А. Кувшинов: Систему показателей выдумали не мы, а государство, и мы работаем в рамках Закона о государственном предприятии.

Н. И. Агафонкин: У меня вопрос к техническому отделу. Как вы относитесь к тому, что показатели, которые нам спускаются, превышают теоретические расчеты наших промышленных агрегатов?

Е. Н. Семенов: Во-первых, никаких теоретических расчетных мощностей нет. Есть проектные мощности. Действительно, мощности старого проекта перекрыты. Сейчас, кстати, выпущен проект новый. По этому документу во многих новых цехах мы проектной мощности не достигли.

Производственные мощности — это проектные мощности плюс те мероприятия, которые дают нам возможность повышать производство. Уровень производственных мощностей в настоящее время по отдельным цехам достигает от 94 до 97 процентов. Практически нигде на 100 процентов производственные мощности не используются.

Сразу хочу заметить, что такое использование производственных мощностей, а оно не только у нас, но и по всей стране, я считаю ненормальным. Должно быть где-то восемьдесят процентов. Это позволит предприятию быть мобильным. Думаю, к такой работе, в результате перестройки экономической системы, мы придем. Это, кстати, позволит нам во многом решить вопросы экологии. Как вы понимаете, дело это не одного дня и не одного года. По всей видимости на это уйдет вся следующая пятилетка. США работают, к примеру, на уровне загрузки 75 процентов. Япония — 68, Европа — несколько выше.

В. В. Тимофеев: А степень загрузки очистных сооружений?

Е. Н. Семенов: Полная.

В. М. Прядкина: Не везде. По газу — действительно, а по воде — есть резерв.

Н. И. Агафонкин: Вы же повышаете проектные мощности в сталеплавильном переделе за счет кислорода, за счет дутья...

Е. Н. Семенов: Вы ошибаетесь. Производство отдельной мартеновской печи в год около 400 тысяч тонн стали. Наши печи работают на уровне двести восемьдесят тысяч тонн в год. Почему? Потому что мы не можем своевременно подвести шихту: у нас узкое место с подъездными путями. Мы не можем производить расчетное количество металла даже без всякого кислорода. Просто не можем. Много других причин: низкая пропускная способность разливочных пролетов и т. д. Словом, идеальная организация производства поможет повысить производительность мартеновской печи без применения всякого кислорода.

Т. Ф. Караблина: А как с доменными печами?

Е. Н. Семенов: Доменные печи будут потреблять кислород по-прежнему. Кислород в доменном цехе снижаться не будет. И он в смысле экологии ничего не добавляет к выбросам доменных печей.

О. Т. Ефремов: Я предлагаю оценивать работу комбината не по текущей прибыли — этот показатель, кстати, не учитывает экологические потери, — а по эффективности производства, как во всем мире.

В. А. Кувшинов: Вы читали Закон о социалистическом предприятии? Там четко определены все показатели. Мы работаем в рамках этого Закона. Мы не имеем права ничего менять, и даже министерство не решит этот вопрос.

Н. И. Агафонкин: Я хочу привести пример: вот грузовик, рассчитанный на три тонны груза, а мы нагружаем его значительно больше. Конечно же, он не поедет. Точно так же и с металлургическими агрегатами.

А. В. Подольский: А если усовершенствовать этот грузовик? Ведь речь идет о постоянном совершенствовании металлургических агрегатов. К примеру, если на КамАЗ приделать задний борт, в него можно загружать не десять, а одиннадцать тонн.

С. С. Чудинов: Или соорудить новую дорогу, идущую не круто в пору, а по спирали. Машина с тем же двигателем повезет больше груза.

О. Т. Ефремов: Мы, наверное, коснулись нашего пятого предложения — об отказе от выпуска товарного кокса.

В. А. Кувшинов: А мы его специально и не производим. У нас есть своя потребность, остатки — около 900 тысяч тонн мы продаем на сторону.

О. Т. Ефремов: А почему бы нам совсем не отказаться от производства товарного кокса?

В. А. Кувшинов: Мы его специально не производим. Вы представляете себе металлургическое производство? В домны идет кокс размером 40 миллиметров и выше, а кокс, фракция которого меньшего размера, мы продаем. Это — полутный продукт, коксовая мелочь. Его больше некуда девать.

Е. Н. Семенов: Почему у нас есть товарный кокс, товарный чугуна? Большая часть — это так называемый, неметаллургический кокс. То же самое и по чугуна. Товарная часть и кокса, и чугуна помогают предприятию, нашим переделам работать в одинаковых режимах. К примеру, доменный цех состоит из десяти печей. Если мы остановим одну печь, это не одна десятая производства, а, примерно, одна восьмая. Коксохим может работать лишь при стабильном уровне производства. Остановили на ремонт доменную печь, куда будете девать кокс? Коксовые печи должны работать стабильно. Поэтому мы и продаем часть кокса. И по товарному чугуна сразу объясню. Работая всеми доменными печами, мы неизбежно производим «лишний» чугун. Изменять режим доменных печей нельзя, так и получается товарный чугун.

О. Т. Ефремов: Период коксования наших коксовых печей — двенадцать часов. Он не соответствует уровню мировых стандартов. За границей период коксования значительно выше — двадцать и более часов. Почти нет выбросов, кокс лучшего качества.

О. П. Корнеев: Если период коксования увеличить до 32 часов, нам понадобится больше коксовых батарей.

В. А. Кувшинов: Вы поймите: нам не выгодно производить товарный кокс. Когда из-за забастовки шахтеров мы перестали производить товарный кокс, повысилась эффективность наших экономических показателей. Рентабельность товарного кокса равна нулю.

Е. Н. Семенов: И самое главное, выбросы коксовых печей зависят не от периода коксования, а от того, как плотно закрыты двери коксовых печей, не газуют ли они.

Н. И. Агафонкин: А что можно сказать о переводе электростанций комбината на газовое топливо?

В. В. Разумовский: Они и работают на газовом топливе. Есть, конечно, резервы твердого и жидкого топлива. Этот запас рассчитан на работу в зимних условиях, если аварийно прервется подача газа.

Н. И. Агафонкин: Наверное, нет смысла строить новый аглоцех на нашей запыленной промплощадке, его надо строить в районе Малого Куйбаса.

В. В. Разумовский: Примерно там и намечено его построить, в районе склада привозных руд.

Н. И. Агафонкин: А, может, еще дальше, к примеру в Лисаковске?

В. В. Разумовский: Если бы один Лисаковский поставил нам рудное сырье... Мы получаем его и с Кольского полуострова, и с Курской магнитной аномалии, и с других мест. А поскольку мы — главный потребитель, то и аглоцех должен быть у нас под боком. Другое дело — новый цех должен быть в максимальной степени оснащен природоохранными сооружениями — это так.

М. С. Гареев: Дело в том, что агломерат нельзя перевозить на большие расстояния. В агломерате есть известняк, он впитывает влагу из воздуха и агломерат разрушается. Другое дело окатыши: они дольше хранятся.

Н. И. Агафонкин: Я про них и хотел сказать. Зачем строить аглоцех у нас, когда можно его построить на Кольском полуострове?

М. С. Гареев: Хочу напомнить вам, что агломерационное производство, это, в первую очередь, утилизация металлургических отходов. 640 тысяч тонн окатышей идет с металлургического передела на аглофабрику. Какой смысл возить магнитогорскую окатышу на Кольский полуостров? Более того, с пуском новой аглофабрики, оснащенной природоохранными сооружениями, мы закроем ряд старых.

Н. И. Агафонкин: Производство синтетического чугуна или литейного чугуна... Какие у нас перспективы в этом плане на комбинате?

Е. Н. Семенов: У вас, честно говоря, все свалено в кучу. Начнем с литейного агрегата. Чем, спрашивается, он экологически чище существующих домен?

Н. И. Агафонкин: Отпадает необходимость в коксохиме и аглоцехах.

Е. Н. Семенов: Вы ошибаетесь. Все советские проекты предусматривают кокс для литейных агрегатов. Второе: чтобы использовать существующие доменные печи в качестве литейных агрегатов, потребуется перестроить половину комбината. Примерно с такими же капиталовложениями, которые мы вкладываем сегодня в реконструкцию. Другое: чугуна мы выплавляем в год 11, — 12 миллионов тонн. Наши коксовые цехи перерабатывают в год около пяти миллионов тонн металлолома. Где взять оставшийся металлолом, где его переработать? При масштабах нашего производства, если бы мы поставили вместо домен литейные печи, мы бы в корне изменили в стране соотношение между ломом и чугуном. По сути дела, в стране не нашлось бы столько лома для нашего комбината. И последнее. Нас могут ограничить в руде. Сейчас с сырьем везде плохо, и потому началось проектирование литейного агрегата, опытный образец которого в будущем будет построен на комбинате.

В. В. Разумовский: Лом действительно нет. Японцы, к примеру, через каждые семь — десять лет полностью заменяют заводы: у них с ломом полетче.

О. П. Корнеев: О кооперативе «Жест». Его месячное производство составляет пятнадцать процентов от суточной потребности комбината, так что судите сами, какой он нам помощник.

Е. Н. Семенов: У нас в металлургии есть две самые отстающие отрасли — вторчермет и огнеупорное производство.

Н. И. Агафонкин: Что можно сказать по двенадцатому вопросу — полное, а не половинное освоение средств по экологии?

В. В. Разумовский: Комбинат выделяет деньги, осваивает их трест «Магнитострой».

Е. Н. Семенов: Можно сказать, что раньше действительно средства на экологию осваивались не в полную меру. Сейчас положение улучшилось.

Н. И. Агафонкин: А как контролируется работа фильтров? В самолете, например, есть прибор — черный ящик, который контролирует работу всех установок.

В. В. Разумовский: Такая система есть. На всех мартеновских печах стоят приборы расходования кислорода. Вы должны учесть, что процессы сталеплавильного производства имеют высокую динамику, они скоротечны, но мы учитываем остановки даже на одну-полторы минуты, ведем их точный счет. Мы ведем эту работу два года и четко представляем работу всех очистных сооружений. Я не могу сказать, что ночью нарушений больше, чем днем. Мы часто выходим в ночные рейды и проверки и можем подтвердить это документально.

О. Т. Ефремов: А есть ли на комбинате программа по улучшению экологии?

В. В. Разумовский: Есть. Комбинат работает и развивается точно по этой программе. Это и конвертерный цех, и машины непрерывной разливки стали, и многое другое. Сейчас все абсолютные источники выбросов нами зафиксированы. Их перечень находится в Гипромезе, и по каждому из них будут осуществлены конкретные мероприятия.

Н. И. Агафонкин: Хочется попросить вас, товарищи, чтобы в вопросах экологии было больше гласности. Надо обнародовать имена нарушителей. Теперь о новой технике, которая будет внедряться, к примеру, в сталеплавильном производстве. Об электрочелюстях и т. д.

Е. Н. Семенов: Очень проблематично: лучше ли в экологическом отношении электрочелюсть, установок прямого восстановления железа, чем существующие ныне агрегаты. Электрочелюстьное производство было бы в несколько раз грязнее. Сейчас появилось новое направление в электростальном производстве: электрочелюсть помещают в кожух, производят отсос газов не только из печи, но и из пространства кожуха. Но и в этом случае она «грязнее», чем конвертер. К тому же у нас и так не хватает электроэнергии, придется строить электростанции, которые сами по себе будут загрязнять природу.

Перспектива такова: с пуском второй очереди ККЦ мы будем полностью утилизировать отходящие газы. Есть и другие новшества, направленные в первую очередь на природоохранную деятельность. Полностью будем перерабатывать и конвертерные шлаки, не будет у нас шлаковых отвалов от конвертера.

Н. И. Агафонкин: О зеленом кольце из сосен...

С. С. Чудинов: Вопросы по финансированию нет, проблема с саженцами.

В. В. Тимофеев: Насчет саженцев, считайте, что вопрос решен.

С. С. Чудинов: Хорошо, к этому вопросу надо будет еще вернуться. Надо будет вернуться и к вопросу об информированности трудящихся.

КОММЕНТАРИЙ РЕДАКЦИИ

К сожалению, надо констатировать: предложения неформальных объединений Магнитогорска не несут новизны, перспективы, а в ряде случаев попросту технически неграмотны.

Специалисты комбината, весь коллектив металлургов в целом делали, делают и будут делать гораздо больше, чем предлагают неформальные объединения. Однако в главном мы занимаем единую позицию: Магнитке нужны чистый воздух и вода. Это зависит от каждого труженика комбината, каждого жителя нашего города.